

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Дискуссионная статья / Discussion Article

УДК 903'1

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(1\).-01](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(1).-01)

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СТРУКТУРА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ¹

Анатолий Владимирович Файферт

*Государственное автономное учреждение культуры Ростовской области
«Донское наследие», Ростов-на-Дону, Россия;*

faifert86@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3096-0817>

Резюме. В статье дается определение археологической культуры, предполагается, что оно может стать консенсусным. Существует три основных подхода к выделению археологических культур: типологический, территориально-хронологический и социологический. Каждый в отдельности обладает неустраняемыми недостатками. В статье обосновывается необходимость отдельного рассмотрения археологических культур эпохи первобытности и культур раннеклассовых обществ. Предлагается схема, при которой данные подходы становятся последовательными процедурами в рамках аналитической методологии археологии. Описывается фратриальная модель культуригенеза, объясняющая смену археологических культур. В статье предлагается критерий достаточности источников для выделения археологической культуры — проявление системы самоидентификации посредством типологического анализа. Схема также позволяет определить соотношение терминов «технокомплекс», «группа памятников», «археологическая культура» и др. На основе приведенных теоретических построений выстраивается структура археологической науки, состоящей из полевой, камеральной, теоретической и истории первобытного общества. Обосновывается разделение методологической и теоретической отраслей науки.

Ключевые слова: археологическая культура, теоретическая археология, типологический метод, культуригенез, эпоха первобытности

Для цитирования: Файферт А. В. Археологическая культура и структура археологической науки // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №1. С. 9–29. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(1\).-01](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(1).-01).

¹ Несмотря на неоднозначные оценки рецензентов, редколлегия приняла решение опубликовать эту статью с целью возможного продолжения дискуссии. — *Прим. ред.*

ARCHAEOLOGICAL CULTURE AND STRUCTURE OF ARCHAEOLOGICAL SCIENCE

Anatoly V. Faifert

State Autonomous Cultural Institution of the Rostov Region "Don Heritage", Rostov-on-Don,
Russia; faifert86@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3096-0817>

Abstract. The article gives a definition of archaeological culture, which assumed to become consensual. There are three main approaches to the identification of archaeological cultures: typological, territorial-chronological and sociological. Each one individually has irremediable disadvantages. The article substantiates the need for a separate consideration of the archaeological cultures of the primitive era and the cultures of early class societies. A scheme is proposed in which these approaches become consistent procedures within the analytical methodology of archaeology. A description is given to the phratrial model of cultural genesis explaining the change of archaeological cultures. The article proposes a criterion for the sufficiency of sources for the identification of archaeological culture - the manifestation of a system of self-identification through typological analysis. The scheme also allows you to determine the ratio of the terms technocomplex, group of monuments, archaeological culture, etc. On the basis of the above theoretical constructions, the structure of archaeological science consisting of field, desk, theoretical sciences and the history of primitive society is build. The separation of methodological and theoretical branches of science is substantiated.

Keywords: archaeological culture, theoretical archaeology, typological method, cultural genesis, the epoch of primitiveness

For citation: Faifert A. V. Archaeological Culture and Structure of Archaeological Science. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022;34(1):9–29. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(1\).-01](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(1).-01).

Введение

В литературе распространено мнение о том, что в современной археологии преобладает постпроцессуальный подход (Можайский, 2018, с. 58). «В конечном счете постпроцессуализм есть логическое совершенствование предыдущих теоретических подходов» (Фаган, ДеКорс, 2007, с. 99). Это верно для теоретической отрасли, но не для археологии в целом. Усилия по объяснению наблюдаемых явлений сосредоточены вокруг эколого-экономической парадигмы. Главными движущими факторами исторических процессов в древности признаются экологические (климат и биологические ресурсы) и экономические (технологии, минеральные и энергетические ресурсы). Она пришла на смену социально-экономической парадигме и формационному подходу, поскольку более соответствует эмпирической сути археологии. Однако до сих пор эта парадигма не дала убедительного ответа на вопрос о содержании понятия археологической культуры и о причинах смены культур. Не дает она пока и решения многих других научных проблем: наличия причинно-следственной связи событий, этногенеза, соотношения археологического и исторического факта. Теоретическая работа начинается с осознания познавательных ограничений и отказа от веры во всемогущество этой парадигмы.

Невозможность существования гомогенных археологических культур становится все более очевидной. Противоречия между данными, выработанными традиционной

школой европейской культурной истории, и данными новейших исследований палеогенетики рассмотрены на материале культур колоколовидных кубков и боевых топоров Центральной Европы (Furholt, 2020). Помимо обширного обзора историографии автор предложил вернуться к политегической модели археологических культур Д. Кларка (Clarke, 1968). Эта модель подразумевает неравномерное распределение признаков вещественных источников в рамках одной археологической культуры, что является отражением сложносоставной структуры древних социумов. Однако из этого подхода невозможно вывести определения рассматриваемого в настоящей статье понятия.

Понятие археологической культуры начало использоваться в европейской археологии во 2-й четверти XIX в. Анализу данной проблемы очень сильно препятствует тот факт, что археологической культурой часто называли совсем иные явления, нежели принято сегодня, а также и иными терминами называли то, что соответствует определению археологической культуры; т.е. историю понятия «археологическая культура» следует отличать от истории термина (Клейн, 1991, с. 131).

Известно множество определений археологической культуры. Самым распространенным вариантом является формулировка: «совокупность материальных памятников, которые относятся к одной территории и эпохе и имеют общие черты» (напр.: Каме-нецкий, 1970, с. 20–21). В рамках эколого-экономической парадигмы невозможно дать более конкретное определение. «Археологическая культура — понятие, противоречивое по своей сути. С одной стороны, это «устойчивое сочетание типов» (Массон, 1976, с. 4), с другой — «совокупность связанных между собой объектов» (Массон, 1976, с. 3). Каждое из этих высказываний само по себе возражений не вызывает, но совместить их в рамках единой логической модели затруднительно. Поиски формального подхода к описанию археологической культуры привели к бурной теоретической дискуссии 1960–1970-х гг., в ходе которой были подвергнуты сомнению содержательность этого понятия, а также историзм археологии в целом» (Подольский, 2014, с. 113). В приведенной цитате удачно подмечено противоречие между чисто типологической моделью археологической культуры и территориально-хронологическим делением памятников на культуры. Подчеркивается также принципиальность этой проблемы для статуса археологии как науки. Ни одно из существующих определений не является общепринятым, поскольку они содержат неразрешимые противоречия. «Конечно, если в определении археологической культуры царят полный хаос и неразбериха, то неясность и произвол в деле выделения культур естественны, к критериям выделения не подобраться» (Клейн, 1991, с. 130). Примером «хаоса и неразберихи» может быть ситуация вокруг нижнемихайловской культуры (Файферт, 2019б).

Археологическая культура как устойчивое сочетание типов

Этот подход исторически первый. Он выделяет среди предметов серии, обладающие схожим набором признаков и связанные между собой функционально и в символике: типы. Используются сущностные признаки: технология, морфология, функция, декор. Это исчерпывающий список критериев типологии. Статистически значимые сочетания типов образуют группы, а они, в свою очередь, коррелируя с комплексами (памятниками), очерчивают контуры культуры (рис. 1). Вывести этот подход с умозрительного на математический уровень попытался Д. Кларк (Clarke, 1968). Отражением это-

го подхода является традиция наименования культур по типу характерных предметов или признаку: желобчатой керамики, боевых топоров, шаровидных амфор, Импрессо, Террамары, Дзёмон и др. В этом ряду находится и «городцовская триада»: ямная, катакомбная, срубная. Редким случаем является наименование по фамилии первого исследователя того или иного комплекса: городцовско-костенковская, спицынская.

Недостатки

1. Типология не может определять саму себя — критерии, по которым отбираются значимые признаки, не вытекают из метода, а выбираются произвольно. Это ведет к субъективизму и крайним расхождениям в типологизации одного и того же материала. Подразумевается, что большинство типов существует ограниченный период и на определенной территории. Это приводит к уверенности, что правильно разработанная типологическая система в конечном счете разделит материалы на территориальные и хронологические группы, которые будут объединены в археологические культуры.

Представляется, что такая методология сможет работать независимо от субъективизма исследователей. Подобную стройную саморазвивающуюся систему на основе синтеза типологии и таксономизма попытался создать Л.С. Клейн. «Археологическая типология» создана в противовес «Аналитической археологии» Д. Кларка. Вместо одного термина «археологическая культура» автор создал «систему взаимно координированных понятий» (Клейн, 1991, с. 190), которые позволили бы средствами одной лишь типологии обоснованно и системно обобщать материал. Примечательна идея выделения трех типов культур, из которых лишь один «истинный», а два — имеют историографическое значение. Сегодня уже можно сказать, что эта попытка оказалась неудачной, введение более 200 новых терминов не может быть принято научным сообществом, а терминологический аппарат «Археологической типологии» не вошел в обиход науки. Не появилось и иных эффективных исследовательских программ, выполняющих эту задачу.

Отношение к возможностям типологического метода обусловлено самим материалом. Если типологизировать изделия ремесленного производства, например топоры эпохи поздней бронзы, то метод работает хорошо, но стоит заняться энеолитической керамикой, чтобы такой оптимизм исчез.

Хорошо проявляется субъективизм при выборе типов, по которым выделяются культуры, и типов, по которым не выделяются. Так, отдельные культуры не выделяются по группам типов античных амфор, средневековых мечей, нуклеусам типа джрабер и т.п. Хотя не редки попытки выделения культур типологически, например новоданиловская, состоящая, по мысли авторов, исключительно из энеолитических погребений с ножевидными пластинами (Телегин и др., 2001). Критерии, по которым делается выбор в пользу тех или иных типов, обычно не обосновываются.

2. Проблема географического масштаба. Она заключается в неясности критериев территориального деления неоднородного массива материалов на культуры. Ярко эта проблема проявляется в дискуссиях о статусе культур фатьяновско-балановской общности, в свою очередь, являющейся частью культуры шнуровой керамики (боевых топоров). Согласно каким формальным критериям возможно обосновать, являются ли балановская и фатьяновская единой или отдельными культурами? И если в фатьяновской

культуре проявляются локальные варианты, то станут ли они с накоплением источников отдельными культурами вслед за балановской? Является ли атликасинская культура самостоятельной, локальным вариантом балановской или плодом воображения исследователя? Являются ли культуры шнуровой керамики общностью, если внутри нее уже выделены общности? Подобные вопросы возникают при применении типологического метода к изучению любой археологической культуры. И если мы делаем выбор в пользу того или иного варианта, то это обоснование никак не следует из определения археологической культуры. А это свидетельствует о его неполноте.

Из этого вытекает отсутствие возможности установить обоснованное различие между терминами «общность культур», «область распространения типов предметов», «археологическая культура», «локальный вариант», «комплекс памятников», «технокомплекс» и т.п. Таксономизм в XX в. не смог решить эту проблему логическим, эмпирическим, прецедентным или договорным путем.

3. Проблема хронологических рамок. Типы и группы часто плавно переходят один в другой, разные типологические группы могут относиться к одной культуре. К примеру, керамика репинского типа резко отлична от позднеямной, но включается в ту же культуру. Так, главная проблема в выделении полтавкинской культуры среднего бронзового века состоит в противоречии между присущим ей погребальным обрядом ямной культуры и керамикой, близкой к катакомбной. Каждый исследователь определяет ее хронологические и географические границы в соответствии с приоритетными, на его взгляд, признаками, и консенсус пока не может быть найден.

4. Невозможность выработки общепринятых определений понятий (общность культур, область распространения типов предметов, археологическая культура, локальный вариант, комплекс памятников, технокомплекс и т.п.). Если археологическая культура — это сочетание типов, а типы — это сочетание признаков, то становится неизбежным определение любой культуры через ключевые признаки. Как известно, определения через признаки бессмысленны, поскольку нерешаемой остается проблема отнесения к археологической культуре объектов, соответствующих на 99%, на 51%, на 30% и т.д. Поэтому должны применяться сущностные определения, раскрывающие внутреннюю структуру явлений. Если мы используем комплексный подход, т.е. весь имеющийся научный арсенал, то одна лишь типология не может дать такого определения.

5. Материалы, не вписывающиеся в схему, приходится отбрасывать.

6. Объяснительная сила сводится к технологическому прогрессу.

Известны попытки непрямого типологического определения: «система традиций, выработанных в определенных социальных группировках под влиянием определенных исторических условий, нашедшая свое материальное выражение в тех результатах человеческой деятельности, которые стали археологическими источниками, и раскрываемая посредством анализа этих источников» (Аникович, 1989, с. 120). Под культурными традициями здесь понимается стереотипизированная предметная деятельность, т.е. все те же «устойчивые сочетания типов».

На наших глазах происходит революция в археологии — внедрение палеогенетики, которая позволяет получать не виданные ранее по точности данные. К примеру, исследователь создал типологию погребений и керамики новотитаровской культуры, дати-

ровал и картографировал их. И одновременно получил данные полногеномного анализа. Как в получившейся схеме их использовать? То есть, помимо указанных недостатков, типологический метод не исчерпывает всего методологического инструментария.

Археологическая культура как совокупность связанных между собой объектов

Самое распространенное определение относится именно к этому подходу. Под ним подразумевается объединение памятников и комплексов одной территории и определенного периода; т.е. на определенной территории для некоторого периода делается свод археологических памятников, между ними устанавливается наличие серий сходных предметов и памятников. Если полученная совокупность не относится ни к одной из известных культур, то ставится вопрос о выделении новой культуры, который чаще решается положительно. Так, на ранее не исследованной территории Монголии на основании всего двух разрушенных погребений выделена баянлигская культура, поскольку иных культур для 1-й половины II тыс. до н.э. на этой территории не известно (Ковалев, Эрдэнэбаатар, Идэрхангай, 2012). В будущем, вероятно, любые материалы указанных территории и периода будут включены в данную культуру. Иными словами, если обобщить материалы одного малоисследованного региона и периода, то с высокой вероятностью они будут относиться к новой (новым) археологической культуре. К этому же подходу фактически относятся все попытки выделения археологических культур без должного типологического обоснования. Отражением этого подхода является традиция регионального наименования культур: буджакская, верхневолжская, днепро-донецкая и др.

Впервые попытался ввести данный подход в рамки научного метода Ю. Н. Захарук — основатель Отдела теории и методики ИА РАН. В качестве составных частей археологической культуры он предлагал понятия «тип памятников» и «комплект памятников» (Захарук, 1981, с. 24). В этом случае автор попытался разложить археологическую культуру на элементарные составные элементы — памятники. Под «типами памятников» подразумеваются пять общеизвестных (поселение, могильник, хозяйственный комплекс, ритуальный комплекс, случайная находка). Под «комплексом памятников» — набор из взаимосвязанных типов. Но здесь неизбежно столкновение с размытыми определениями данных понятий, что логически приводит исследователя к таксономизму. Под ним подразумевается четкое определение понятий как основа построения моделей структур. Дальнейшие попытки продвижения в этом направлении ввязаны в терминологические споры.

Недостатки

1. Произвольность критериев выбора территории как проблема масштаба.
2. Проблема хронологических рамок.
3. Невозможность выработки общепринятых определений понятий. Неизбежный переход к таксономизму.
4. Объяснительная сила сводится к ресурсам территории и изменению климата.

Как видно, недостатки этого подхода во многом схожи с предыдущим. Поэтому неизбежной стала попытка объединить оба подхода в один.

Есть зримая корреляция между специализацией теоретиков и приверженцев того или иного подхода: обычно сторонники типологии работают над периодом средней

и поздней бронзы (Д. Кларк, К. Ренфрю, Л. С. Клейн, В. С. Бочкарев), специалисты по палеолиту и неолиту придерживаются территориально-хронологического (условного) подхода (Г. Чайлд, Ю. Н. Захарук), исследователи раннего железного века и Средневековья оптимистично настроены в отношении социологических или этнических интерпретаций (Л. Бинфорд, В. Ф. Генинг). Сторонники постпроцессуализма, т.е. концепции равенства всех подходов, ожидаемо изучают неисчерпаемую археологию Древней Греции (М. Шенкс, Я. Ходдер).

Комбинированный подход

Это самый распространенный подход к определению археологических культур. Однако он лишь сужает понятие культуры, снижает остроту проблемы масштабирования культур, но не разрешает ее. Те же недостатки: неопределенность географического и хронологического масштаба, соотношение понятий типологии (технокомплекс, группа и пр.) и культуры, произвольность выбора типов — характерны и для синтетического определения культуры.

Сущность подхода хорошо выражает определение И. С. Каменецкого: «группа памятников, занимающих сплошную территорию (или территории), границы которой могут меняться, и обладающих объективно существующим сходством материальных и нематериальных признаков, образующих сложную, внутренне связанную систему, единообразно изменяющуюся во времени и ограниченно варьирующую в пространстве, существенно отличающуюся от аналогичного типа систем, характеризующих другие культуры» (Каменецкий, 1970, с. 29).

Традиции типологического и территориального наименования археологических культур на сегодня являются устаревшими, а основным стал комбинированный подход. Показательным стало переименование культуры многоваликовой керамики в бабинскую, по эпонимному памятнику. В качестве примеров комбинирования можно указать культуры псковских длинных курганов и донецкую катакомбную. Логически к этой же традиции относятся названия культуры по первому ключевому памятнику, который сочетает в себе привязку к месту с типологической определенностью содержания понятия. Встречается способ наименования по двум эпонимным памятникам, очерчивающим основной ареал распространения (виллендорфско-костенковская, Эртебёлле-Эллербек). Редким вариантом названия являются нижнемихайловская культура, Караново-VI, Протовилланова, в которых заложена еще и хронологическая привязка.

Недостатки

1. Тот же набор, кроме географического масштаба.
2. Неизбежность приоритета одного из двух подходов.
3. Отсутствие критериев для выявления достаточности источников.
4. Проблема атрибуции смешанных комплексов, когда, например, в одном погребении сочетаются вещи и ритуалы с разных территорий (имеется ввиду обоснованное, а не волюнтаристское решение). Нерешаемым остается и вопрос о статусе памятников, оставленных миграцией из одной культуры в другую, со временем ассимилированных.
5. Отсутствие решения проблемы обязательной смены культур. Главенствующая сегодня эколого-экономическая парадигма часто не дает никакого объяснения либо делает это с перенапряжением источника.

6. Соотношение смены культуры и ее эволюции. Часто мы не можем четко отличить новый этап развития от смены культуры с сохранением черт преемственности. Обычно применяется критерий миграции: если есть свидетельства миграции нового населения, то происходит смена культуры. Однако если переселение происходит с культурно близкой территории, то эти следы могут быть слабовыраженными, а значит, критерий миграции работает не всегда. Несложно подобрать случаи, когда миграция не приводила к смене культуры, например, переселение носителей кобяковской культуры из бассейна Кубани на Нижний Дон, не вызвавшее смены местной белозерской культуры.

7. Объяснительная сила сводится к ресурсам территории, изменению климата, технологическому прогрессу и развитию торговли.

Археологическая культура как остаток системы жизнеобеспечения. Социологический подход

Как было указано выше, ученые не выделяют культуры на основе многих ярких типов и групп предметов, например мечей каролингского типа. Не объединяются в культуры и памятники исторического периода. Почему? Потому что исследователи знают, какие социально-исторические явления стояли за распространением этого оружия, городов и пр. То есть неосознанно социологический подход в выделении археологических культур все же используется. Это отмечалось и противниками социологического подхода: «археологи подсознательно или осознанно исходят из ориентировки на соответствующие качества этнографических культур, совпадающих с отдельными народностями, говорящими на собственных языках, или другими общностями (конфессиональными, потестарными и т.п.), равнопорядковыми социальными организмами» (Клейн, 1991, с. 391). Примерами первоначального выделения археологической культуры на основе исторических, а не археологических источников являются савроматская и меотская культуры.

Зримо или нет, но вопрос об устройстве рассматриваемого археологом общества присутствует всегда. Могут использоваться этнографические данные о первобытных племенах (индейцы, австралийцы, народы Сибири), исторические сведения о догосударственном устройстве современных народов (италийцы, германцы, славяне). Иногда на археологические памятники механически переносится современное этническое устройство. Этнографические данные почти никогда не подвергаются критике, хотя под названием племен у древних писателей, этнографов и путешественников могут скрываться кланы, фратрии, союзы племен, что дает огромное число «племен» на единицу площади, их чересполосное проживание. В результате общим местом для всех работ является формулировка «племена археологической культуры». Что уже является определенным видением устройства общества, т.е. моделью. Существуют прецеденты этноисторического наименования культур: скифская, сарматская, гуннская, варягов Руси. Археологическими культурами фактически являются этнографические древности современных народов, которые изучает этноархеология: культура ненцев XVIII в., культура мадьяр VI–IX вв. Кроме того, в наименования «ямники», «андроновцы» и пр. давно вкладывается этнический смысл. Таким образом, предложенная схема не вводит социологический критерий, а лишь проявляет его.

Главным результатом использования социологического подхода будет являться выделение синтетических с точки зрения типологии культур. Так, как следствие сли-

яния кочевой срубной и оседлой сабастиновской на Нижнем Дону должна быть выделена отдельная культура. Либо к такой синтетической структуре будет сведена бережновско-маевская культура. Этап формирования культуры из, допустим, четырех разных субстратов будет даваться под тем же наименованием, что и последующие этапы, а не под именами четырех материнских культур. Например, компоненты, составившие майкопскую культуру, происходившие из лейлатепинской, мешоковской, памятников типа Свободное и Нальчикского могильника, будут включены именно в майкопскую.

В математических науках игнорирование параметра в формуле эквивалентно принятию его равным единице. Если же он не учтен, но не равен одному, то формула ошибочна. Большинство исследователей считают, будто не используют социологические модели. На деле это означает принятие в качестве базы модель бесструктурного общества — первобытного стада либо совокупности равных большесемейных и соседских общин. Подчеркнем: отрицание применения социологической модели равно принятию устройства общества как первобытного стада. Именно такое игнорирование структуры социума и приводит к «загадочным» сменам культур, «почкованию народов» и пр. Значит, в формулу эколого-экономической парадигмы необходимо добавить еще один параметр — социологическую модель.

Кратко суть подхода заключается в следующем:

- использование социологической модели исследуемого общества (фратриальная модель или др.);
- выявление системы «свой — чужой», отображающейся в материальной культуре. Например, членение памятников по типам орнаментов является отражением осознанного символического обозначения «своих» предметов и «чужих».

Недостатки:

1. Требуется количества источников на порядок больше, нежели для предыдущих.
2. Не применим самостоятельно, а только после двух предыдущих. Только комбинация трех основных подходов может компенсировать их недостатки.
3. Объяснительная сила сводится к преобразованию социальных структур и экономического базиса.

Некоторые культуры возникают из-за несоблюдения научной этики. Выделение археологической культуры должно сопровождаться проработкой и изложением набора обязательных сведений: а) историографический обзор, с обоснованием наименования; б) характеристика материальной культуры, погребального обряда и хронологии; в) определение территории распространения памятников и публикация полного свода источников; г) выявление внутренней структуры (составных частей); д) описание отличий от синхронных и смежных культур или памятников соседних территорий.

Таким образом, применение социологического подхода позволяет дать определение. Археологическая культура — это комплекс материальных объектов одной территории и определенного времени, оставленный системой жизнеобеспечения древнего общества социально-политического уровня. Под последним может пониматься племя, союз племен, раннее комплексное общество, государство. В качестве системы жизнеобеспечения понимается набор знаний и материальной культуры, с помощью которого осуществляется полный цикл питания, производства и защиты членов социума. Се-

мья, род и фратрия не могут обеспечить воспроизводство, отдельное племя редко может обеспечить защиту от внешней агрессии, поэтому наиболее подходящей социальной структурой, имеющей самодостаточную систему жизнеобеспечения первобытного общества социально-политического уровня, оказывается небольшой союз племен. Именно остатками крупного племени или тесного союза племен и является стандартная археологическая культура эпохи первобытности.

Синтетический подход объединяет не только достоинства, но и недостатки трех рассмотренных. Однако их последовательное использование создает трехмерную структуру, в которой ее составные части взаимообусловлены, что дает новую опорную точку для компенсации субъективизма. В некоторой степени это можно проиллюстрировать аллегорией: двигатель, шасси и топливо по отдельности бесполезны, но после правильного соединения создают новое свойство, нехарактерное ни для одного из них.

Нельзя не упомянуть сторонников полной или частичной непознаваемости прошлого, считающих, что интерпретация археологических источников всегда субъективна, а значит, все выкладки по реконструкции древних социумов ошибочны априори. Например, выделяемая исследователями общность могла не осознаваться и не существовать, по мнению самих же древних людей. На это следует ответить, что данная проблема давно решена. В социологии выделены два типа социальных групп: дистантные (большие) и контактные. Члены дистантной социальной группы могут даже не знать о существовании друг друга и выявляться только статистически. Такая группа процессуально непрерывна и постоянно воспроизводит основные компоненты своей структуры (Гуляева, 2006, с. 200). Именно со статистическими, но объективно существовавшими помимо воли людей социальными группами и работает археология, интуитивно используя социологическую методологию. Например, два племени могли сильно враждовать и не осознавать своего родства, но археологические источники однозначно проявят их общее происхождение. Введение методического аппарата дистантных социальных групп перечеркивает основную часть критики социальных реконструкций в археологии.

Помимо социологической модели, которую исследователь подразумевает и должен кратко описать, важнейшим критерием подхода является система «свой — чужой», отображающаяся в материальной культуре. Например, членение памятников по типам орнаментов является отражением осознанного символического обозначения «своих» предметов и «чужих». Разделение типов вещей по принципу «мы» и «они» при выделении культур отмечалось и ранее (Поршнева, 1979, с. 98). Лучше всего такое деление отображается на ритуальных предметах и объектах. Например, деление на культуры как такобой общности целиком основано на положении умерших, форме сооружения, формах курганных и орнаменте погребальных сосудов. Именно система «свой — чужой» объясняет эти различия. А отсутствие такой символической системы (по-видимому, ввиду прямого запрета) приводит к невозможности обоснованного выделения локальных культур в рамках ямной культурно-исторической общности.

В проявлении указанной системы состоит основной смысл использования типологического и картографического методов в отношении первобытной керамики, погребений, кремневых изделий. Типология позволяет улавливать различия между родо-

выми (территориальными) общинами, фратриями, племенами. Проявление системы «свой — чужой» наибольшего территориального и хронологического масштаба и определяет границы культуры. Маркеры системы самоидентификации могут быть выявлены интуитивно, поэтому нередко археологические культуры могли выделяться без создания типологии. Именно в применении этой системы и кроется ответ на вопрос, почему не выделяются археологические культуры исторического периода. Названия племен, народов и государств отражают данное противопоставление, избавляя историков от необходимости применения условных наименований для социумов. Достаточный корпус письменных источников по истории Хазарского каганата избавил бы от необходимости использования термина «салтово-маяцкая культура». Обратный пример — Древнерусское государство. Из вышесказанного следует, что социологический подход устраняет субъективизм в выборе культуурообразующих типов, в определении территориальных и хронологических рамок, показывает границы применения понятия «археологическая культура».

Главенствующая сегодня эколого-экономическая парадигма не смогла решить «проклятый вопрос» археологии — причину обязательного исчезновения и возникновения культур. Подробному обзору проблемы смены культур в современных археологических теориях посвящена глава монографии (Клейн, 2018, с. 193–203). Не найдено никаких социально-экономических или климатических предпосылок для объяснения смены ямной культуры катакомбной. Аридизация как причина смены катакомбных культур бабинской и лонинской общностями не может не подвергаться обоснованной критике, поскольку приход культуры центрально-европейского облика в опустыненные безводные районы степи выглядит самоубийственным предприятием. Само влияние климата на быт подвижных скотоводов, прекрасно приспособленных к жизни в полупустыне, требует серьезного обоснования. Наличие причинно-следственной связи между следующими друг за другом событиями — это серьезнейший теоретический вопрос, который обычно просто игнорируется.

Фратриальная модель культурогенеза

Наиболее простое объяснение дает фратриальная модель, основанная на этнографии первобытных народов (Файферт, 2019а, с. 59–88). Кратко суть ее состоит в следующем. Первобытные племена состояли из взаимобрачующихся частей — фратрий, которые обеспечивали запрет на близкородственные браки. Несмотря на очевидность данного тезиса, ранее никогда не анализировались следствия, которые вытекают из такой структуры. Через несколько поколений члены противоположных фратрий все равно оказывались родственниками. Существование фратрий становилось бессмысленным, но они не исчезали. В чем же смысл, почему они распространены по всему миру? Функция их заключается в том, чтобы после исчерпания генетического разнообразия внутри племени и первого появления у потомства признаков вырождения разойтись и объединиться в новые племена с другими фратриями. Именно этот механизм и ответствен за цикличность смены культур каждые 300–400 лет (примерно 14 поколений). Он объясняет также возможность мирных дальних миграций первобытного населения, поскольку все пригодные территории были заселены, а их освобождение под

мигрантов могло быть осуществлено только с помощью геноцида или договора об обмене фратриями.

Важнейшей чертой данного социального устройства является неравноправность фратрий. В составе племени обычно одна из фратрий главенствующая, из нее выбираются племенные и военные вожди, в основном именно она выполняет военную функцию, осуществляет статусное потребление. Основой этого неравноправия является право владения землей. Элитарные фратрии считаются хозяевами земли, а подчиненные — клиентами. Данное положение могло возникать после подселения новой фратрии в племя фратрии-хозяина или в результате завоевания.

Наиболее простым механизмом переселений могло быть завоевание, когда победившее племя изгоняло или истребляло элитарную фратрию побежденного племени на иную территорию и выделяло свою для встраивания в данное племя в качестве главенствующей. Так из одного воинственного племени скифов одновременно могло возникнуть четыре новых. Точно так же в результате истребления элитарных фратрий они и исчезли. В этом случае реализуется органичное встраивание во фратриальную модель элитарного механизма культурогенеза. Смена элиты племени полностью меняет его культурный облик при почти полном сохранении генотипа.

Такой механизм объясняет наблюдаемые нами непеременимые черты преемственности новой культуры со старой и сложное привнесение многих составляющих культуры мигрантов, что всегда производит нечто новое. Эта схема дает конкретный механизм для реализации концепции культурных секвенций Л.С. Клейна. Особенностью предлагаемой модели является принятие в качестве оптимальной схемы устройства племени из четырех фратрий, а не двух, которые взаимобрачуются попеременно. Фратрия А несколько поколений бракуется с Б, В бракуется с Д, а затем Б объявляются «братьями» и брачевание фратрии А происходит с В, а Б — с Д, потом цикл повторяется. Такая система позволяет избегать близкородственных связей в течение сотен лет. Это объясняет редкость бинарной структуры в археологических культурах. Такое племя могло спокойно эксплуатировать ресурсы своей территории, в то время как фратрия на новой территории обычно не была равноправной с аборигенами и получала меньше ресурсов. Важно, что элитарное ядро племени обычно оставалось на месте, а переселялись более бедные земель общины, что сразу же дает заметную разницу между культурой исходной и конечной территорий.

Фратриальная модель значительно упрощает деление на археологические культуры. Так, в работах по энеолиту Поволжья и Приуралья отмечается «слияние нескольких культурных традиций — поздней прикаспийской, хвалынской и ранней алтатинской», а также керамики с шагающей гребенкой. «Н. Л. Моргунова синхронизирует керамику токского типа (находящую ряд параллелей с сосудами второй группы Кумыски) с хвалынской и поздней самарской» (Юдин, 2012, с. 66–67). Подобное сосуществование разных по происхождению групп в рамках одной культуры является непеременимым атрибутом фратриального устройства. Отпадает необходимость сложнейших схем чередования, взаимопроникновения и смешения культур. Данное краткое описание модели не исчерпывает всех социальных механизмов — для родовых общин и племен рассмотрены иные схемы.

Структура методологии выделения археологических культур и структура археологии

В. С. Бочкарев (1975, с. 42) представляет схему места археологической культуры среди терминов (универсалий и категорий) типологии (рис. 1). По сути, это самое краткое и изящное изложение синтеза типологии и территориально-хронологического членения. Однако оно оказалось не применимым на практике. Причина в фундаментальной ошибке: результатом синтеза этих двух последовательностей является не культура, а типологическая схема, которая может быть культурой, технокомплексом, группой типов и др. Необходимы дополнительные критерии. Эта же ошибка очевидна и с позиций философии, поскольку археологическая культура не может относиться к категориям, т. е. самым общим понятиям. Еще одним ошибочным выводом из такой постановки проблемы является принятие выделения археологических культур как метода источниковедческой работы, а не как цель археологии первобытной эпохи.

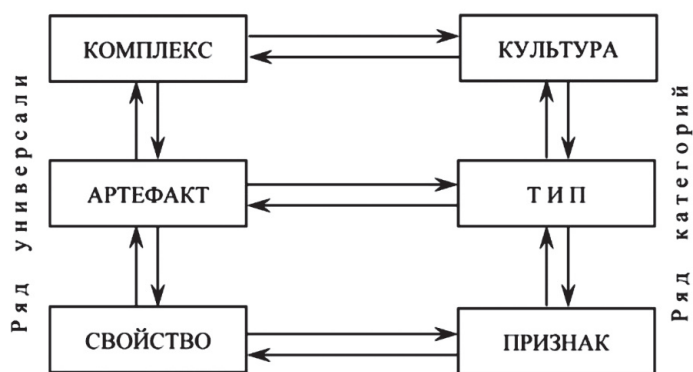

Рис. 1. Схема уровней интеграции и бинарных отношений в археологическом материале (по В.С. Бочкареву)
Fig. 1. Scheme of integration levels and binary relations in archaeological material (according to V.S. Bochkaev)

Расположим типологический, территориально-хронологический и социологический методы в приведенной последовательности на схеме (рис. 2). Соотнесем с каждым из них основные археологические понятия. Хорошо вырисовывается градация терминов, можно установить их соотношение. Получается, что технокомплекс и группа памятников отличаются от археологической культуры набором применяемых методов, а значит, устраняется систематическая ошибка их отождествления.

Указанные три метода не исчерпывают аналитическую методологию археологии. Расширим схему оставшимися (рис. 3) и распределим терминологию между ними. До типологического метода существует комбинированная классификация, а целью существования археологии оказывается добыча объективной исторической информации. Получившаяся схема совпадает с традиционной структурой археологической науки, которая делится на полевую, камеральную, теоретическую и историю первобытного общества. Что касается последней, то на возражения сторонников «источнико-

ведческой археологии» можно отослать к практически любому учебнику по археологии, которые есть не что иное, как иллюстрированное изложение накопленных знаний по истории первобытного общества.

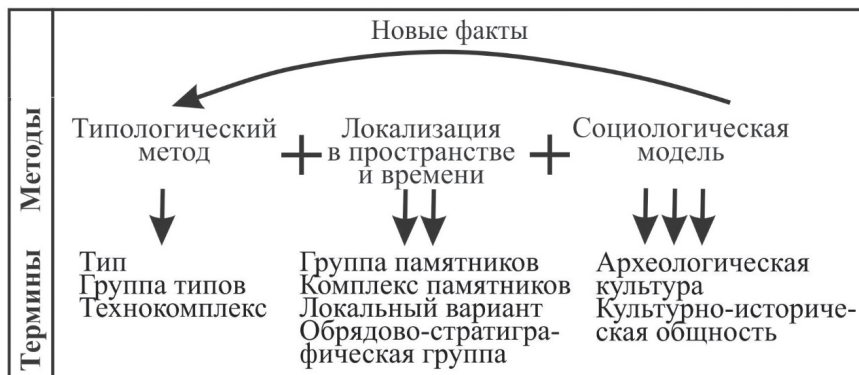

Рис. 2. Три критерия археологической культуры.
Последовательность использования терминов при увеличении количества критериев
Fig. 2. Three criteria of archaeological culture.
The sequence of using terms when increasing the number of criteria

Восхождение	Аналитическая методология	Термины	Отрасли археологии
	Критика источников	Исторические факты	История первобытного общества
	Социологическая модель	Культурно-историческая общность Археологическая культура	Теоретическая
	Локализация в пространстве и времени	Группа памятников Фаза, период, этап Локальный вариант Обрядово-стратиграфическая группа	Камеральная
	Типологический метод	Технокомплекс Индустрия Группа типов Тип	
	Комбинированная классификация	Группы артефактов	Полевая

Рис. 3. Структура археологии первобытной эпохи, связь ее составных частей с методологией
Fig. 3. The structure of the archaeological science of primitive society, the connection of its components with methodology

До сих пор нет устоявшегося определения теоретической отрасли нашей науки. Археология основывается на индуктивном методе, т.е. идет от частного к общему, от факта к закономерности. Но тогда остается незадействованным потенциал дедуктивного ме-

тогда. Из-за этого противоречия и появилась теоретическая археология. Она стремится создать познавательную модель, некую призму, при взгляде сквозь которую на материал можно получить существенную информацию. Значит, теоретическая археология — это дедуктивная система знаний, преобразующая археологические факты в исторические и наоборот. В свою очередь, данная дефиниция позволяет обозначить границу между теорией и методологией (которые иногда ошибочно признаются тождественными). Методология археологии — это система знаний, увеличивающая информативность археологических источников.

Кратко методологию можно описать так. С помощью комбинированной классификации выявляются типы. На основе критериев типов строятся типологические ряды. Выводы уточняются технологическим анализом. С помощью морфологии и функционального анализа можно выделить технокомплексы, обрядовые группы погребений. Типологией и хронологией (в т. ч. естественно-научной) выделяются периоды, горизонты, этапы, обрядово-стратиграфические группы. Географический критерий дает локальные группы. А археологическая культура выделяется на основе перечисленных и социологического критерия. Ожидается, что вывести социологический подход на новый уровень смогут палеогенетические исследования.

Предлагаемая схема напоминает предложенные Г. С. Лебедевым этапы исторической реконструкции в археологии (Лебедев, 1975, с. 58; Файферт, 2019а, с. 29). Очевидность такой последовательности процедур была ясна и в 1975 г., и ранее, однако из этого не было сделано никаких выводов. Суть настоящей работы не в новаторском подходе, а в констатации достигнутого уровня понимания проблемы. Описанная методология не противоречит взглядам сторонников источниковедческого подхода, поскольку типологический метод оказывается на первом месте.

При таком подходе проблема отнесения синкретических комплексов к той или иной культуре может решаться однозначно. Например, погребение со степным обрядом и майкопским сосудом в таком случае обоснованно приписывается степной культуре, поскольку в большинстве социологических моделей погребальный обряд будет иметь приоритет над керамикой. Распространение майкопской культуры при таком подходе приобретает рациональные границы в рамках предгорного Кавказа, без включения огромной территории междуречья Днепра и Волги. Выявляется бессмысленность наименований майкопско-константиновской, дарквети-мешоковской и иных культур. Отпадает проблема почти неизбежного преобразования типов памятников или локальных вариантов в новые культуры. Дробление культур получает ясные пределы.

Давая определение археологической культуры как следов системы жизнеобеспечения социума, мы фактически возвращаемся к одной из самых ранних внятных формулировок: «некий организм, подлежащий измерению во времени и пространстве», который «слагается из вещественных памятников домашнего быта, искусства, культа и знания» (Городцов, 1923, с. 19). Мы полагаем, что «организм» и «социум» являются синонимами. В последующее время исследователи неоднократно приходили к схожим определениям: «Археологическая культура — это любые остатки и следы жизнедеятельности реальных людей или социумов разного уровня в рамках бесписьменной истории (Тишкин, 2019, с. 8). Однако настоящая работа отличается выстраиванием обоснова-

ния такого определения, в т. ч. путем «от обратного» — описанием недостатков принятых ранее определений и методик.

Мы не упомянули, пожалуй, главную проблему в выделении археологических культур — недостаток источников. Связанные с этим трудности лишь отчасти могут быть компенсированы теоретически и методологически. Рассмотрим случай с достаточным количеством раскопанных памятников и компетентных исследователей — катакомбную культурно-историческую общность, погребения которой исследованы десятками тысяч. Хронологическая последовательность публикаций здесь вполне закономерна и зависела от источников. От количества источников напрямую зависело и выделение локальных культур: их контуры становились видны после накопления примерно 200 комплексов каждой. На основе комбинированной классификации были выделены типы погребальных сооружений и керамики катакомбной культуры (Городцов, 1905). После накопления источников их распространение нанесено на карту, обоснованы локальные группы (Латынин, 1929). На новом этапе накопления материала созданы схемы хронологического соотношения вариантов (Попова, 1955), но для выделения культур материала было слишком мало. Рост числа источников на порядок позволил выделить отдельные культуры (Клейн, 1962). Выявлена частичная чересполосность расположения памятников разных культур (Либеров, 1971). После достижения числа в несколько десятков тысяч исследованных погребений намечена система маркеров внутренней структуры социумов, высказана гипотеза о фратриальном делении (Кияшко, 2002, с. 78). На основе смены системы самоидентификации, но лишь частичного изменения материальной культуры в позднекатакомбных материалах выделена лолинская культура (Мимоход, 2013, с. 292–316). Проработка материалов катакомбных культур велась многими десятками исследователей. В итоге мы имеем хорошо обоснованные археологические культуры, возникновение и взаимодействие которых описывается в виде иллюстрированного исторического повествования (Археология, 2006, с. 200–203). Приведенный пример показывает, что предлагаемая нами методология выделения археологических культур, во-первых, уже неосознанно используется, во-вторых, логична и естественна. Но никакая теоретическая конструкция не заменит минимального числа источников и исследователей.

Еще одним образцом культур с достаточным количеством материалов и ученых служит синташтинский феномен. И здесь в последние годы наметилась тенденция видеть сквозь археологические материалы сложное социальное устройство: «синташтинское и петровское населения в данном микрорайоне существовали частично синхронно, и, возможно, эти культурные феномены можно интерпретировать как две элитные группы общества, выполнявшие различные функции и различающиеся по родовому, социальному, профессиональному или иному принципу» (Куприянова, 2015, с. 70). Это еще раз показывает, что выявление внутренней структуры в археологических культурах неизбежно сводится к структуре социальной.

Заключение

В итоге мы получаем логически увязанную схему определения важнейшего термина рассматриваемой науки — археологической культуры и общей структуры самой на-

уки. Это является не совпадением, а проявлением глубинной связи. Введение социологического критерия археологической культуры в дополнение к типологическому и территориально-хронологическому позволяет намного более четко определить понятие, а также соответствие исторических явлений этому понятию. Более того, многие исторические явления могут быть определены через данный термин.

В случае принятия изложенной концепции научным сообществом основные проблемы теоретической археологии — определение и причины смены археологических культур — можно считать решенными для данного этапа развития науки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Аникович М. В. Археологическая культура: последствия определения понятия для процедуры археологического исследования // Советская археология. 1989. №4. С. 115–127.

Археология : учебник / под редакцией академика РАН В.Л. Янина. М.: Издательство Московского университета, 2006. 608 с.

Бочкарев В. С. К вопросу о системе основных археологических понятий // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований: материалы симпозиума методологического семинара ЛОИА АН СССР. Апрель 1975 г. Л. : Наука, 1975. С. 34–42.

Городцов В. А. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца Изюмского уезда Харьковской губернии // Труды XII археологического съезда. М. : Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1905. Т. 1. С. 226–340.

Городцов В. А. Археологическая классификация. // Никольский, Владимир Капитонович. Очеркъ первобытной культуры. Со вступ. статьей проф. В. А. Городцова. М. ; Петроград : Л. Д. Френкель, 1923. 222 с.

Гуляева Н. П. Социальные реконструкции в археологии: проблема глазами социолога // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. Вып. 2. С. 193–215.

Захарук Ю. Н. Методологические проблемы археологической науки: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1981. 30 с.

Каменецкий И. С. Археологическая культура — ее определение и интерпретация // Советская археология. 1970. №2. С. 18–36.

Кияшко А. В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград : Изд-во Волгоградского государственного университета, 2002. 268 с.

Клейн Л. С. Катакомбные памятники эпохи бронзы и проблемы выделения археологических культур // Советская археология. 1962. №2. С. 26–38.

Клейн Л. С. Археологическая типология. Л. : Академия наук СССР, 1991. 442 с.

Клейн Л. С. Культура и эволюция. Теоретические исследования. СПб. : Евразия, 2018. 316 с.

Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д., Идэрхангай Т. О. Открытие на юге Монголии памятников новой культуры периода развитой бронзы [Discovery of new Bronze Age culture in the South of Mongolia] // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улаанбаатар : Изд-во Монгольского государственного университета, 2012. С. 175–182.

Куприянова Е. В. К вопросу о взаимодействии синташтинского и петровского населения в эпоху бронзы в Южном Зауралье (на примере памятников у села Степного) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск : Челябинский государственный краеведческий музей, 2015. С. 62–70.

Латынин Б. А. Курганные погребения так называемого катакомбного типа: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1929. 30 с.

Лебедев Г. С. Системное описание археологической культуры // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований : материалы симпозиума методологического семинара ЛОИА АН СССР. Апрель 1975 г. Л. : Наука, 1975. С. 56–58.

Либеров П. Д. Древняя история населения Подонья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1971. 30 с.

Массон В. М. Культура в понятийном аппарате археологии // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 1976. С. 3–7.

Мимоход Р. А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М. : ИА РАН, 2013. 568 с.

Можайский А. Процессуальная, постпроцессуальная и современная западная археологическая теория применительно к Эгейскому региону: от рождения цивилизации в бронзовом веке к греческому полису // Списание Эпохи. 2018. Т. XXV. Кн. 1. С. 53–62.

Подольский М. Л. Индивидуальное и типическое в археологической культуре (опыт композиционного подхода) // Актуальные проблемы изучения архаики: Материалы теоретического семинара «Теория и методология архаики» 1996–2012 гг. СПб. : МАЭ РАН, 2014. С. 113–131.

Попова Т. Б. Племена катакомбной культуры. Северное Причерноморье во втором тысячелетии до н. э. М. : Госкультпросветиздат, 1955. 180 с.

Поршнева Б. Ф. Социальная психология и история. М. : Наука, 1979. 232 с.

Телегин Д. Я., Нечитайло А. Л., Потехина И. Д., Панченко Ю. В. Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона: Археологоантропологический анализ материалов и каталог памятников. Луганск : Шлях, 2001. 152 с.

Тишкин А. А. Предисловие // История Алтая: в 3-х т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та; Белгород : Константа, 2019. С. 5–11.

Фаган Брайан М., ДеКорс Кристофер Р. Археология. В начале. М. : Техносфера, 2007. 592 с.

Файферт А. В. Биосоциальная теория культурогенеза в эпоху первобытности. Ростов-на-Дону : Донское наследие, 2019а. 122 с.

Файферт А. В. Историография нижнемихайловской культуры // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019б. №5. С. 41–53.

Юдин А. И. Поселение Кумыска и энеолит степного Поволжья. Саратов : Научная книга, 2012. 212 с.

Clarke David L. Analytical Archaeology. London : Methuen, 1968. 704 p.

Furholt Martin. “Social Worlds and Communities of Practice: a polythetic culture model for 3rd millennium BC Europe in the light of current migration debates”, *Préhistoires Méditerranéennes* [Online], 8 | 2020. URL: <http://journals.openedition.org/pm/2383>

REFERENCES

Anikovich M. V. Archaeological Culture: Consequences of the Definition of the Concept for the Procedure of Archaeological Research. *Sovetskaya arheologiya = Soviet Archaeology*. 1989; 4:115–127. (*In Russ.*)

Archeology : textbook / edited by Academician of the Russian Academy of Sciences V.L. Yanin. Moscow : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2006. 608 p. (*In Russ.*)

Bochkarev V. S. On the Question of the System of Basic Archaeological Concepts. In: Subject and Object of Archaeology and Questions of Methodology of Archaeological Research: Content of Symposium of the Methodological Seminar of the LOIA of the USSR Academy of Sciences. April, 1975. Leningrad : publishing house Nauka, 1975. Pp. 34–42. (*In Russ.*)

Gorodtsov V. A. Materials of Archaeological Research on the Banks of the Donets River of the Izyumsky District of the Kharkiv Province. In: Proceedings of the XII Archaeological Congress. Moscow : Tovarishestvo tipografii A. I. Mamontova, 1905. Vol. 1. Pp. 226–340. (*In Russ.*)

Gorodtsov V. A. Archaeological Classification. In: Nikolsky, Vladimir Kapitonovich. An Outline of Primitive Culture. With Introduction Article by prof. V. A. Gorodtsova. M. ; Petrograd : L. D. Frenkel, 1923. 222 p. (*In Russ.*)

Gulyaeva N. P. Social Reconstructions in Archaeology: a Problem through the Eyes of a Sociologist. In: Theory and Practice of Archaeological Research. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. Is. 2. Pp. 193–215. (*In Russ.*)

Zakharuk Yu. N. Methodological Problems of Archaeological Science : Abstract of the Dissertation of Doctor Historical Sciences. Moscow, 1981. 30 p. (*In Russ.*)

Kamenetsky I. S. Archaeological Culture — its Definition and Interpretation. *Sovetskaya arheologiya = Soviet Archaeology*. 1970;2:18–36. (*In Russ.*)

Kiyashko A. V. Cultural Genesis in the East of the Catacomb World. Volgograd : Izd-vo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 2002. 268 p. (*In Russ.*)

Klein L. S. Catacomb Sites of the Bronze Age and Problems of Isolation of Archaeological Cultures. *Sovetskaya arheologiya = Soviet Archaeology*. 1962;2:26–38. (*In Russ.*)

Klein L. S. Archaeological Typology. Leningrad : Akademiya nauk SSSR, 1991. 442 p. (*In Russ.*)

Klein L. S. Culture and Evolution. Theoretical Research. St. Petersburg : Evraziya, 2018. 316 p. (*In Russ.*)

Kovalev A. A., Erdenebaatar D., Iderkhangai T. O. Discovery of new Culture Sites of the Developed Bronze Age in the South of Mongolia. In: Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia. Ulaanbaatar : Izd-vo Mongol'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2012. Pp. 175–182. (*In Russ.*)

Kupriyanova E. V. On the Issue of Interaction of the Sintashta and Petrovsky Populations in the Bronze Age in the Southern Trans-Urals (on the example of the Sites near the Village of Stepnoye). In: Ethnic Interactions in the Southern Urals. Chelyabinsk : Chyabinskij gosudarstvennyj kraevedcheskij muzej, 2015. Pp. 62–70. (*In Russ.*)

Latynin B. A. Burial Mounds of the So-called Catacomb Type : Abstract of the Dissertation of Doctor Historical Sciences. Moscow, 1929. 30 p. (*In Russ.*)

Lebedev G. S. System Description of Archaeological Culture. In: Subject and Object of Archaeology and Questions of Methodology of Archaeological Research: Material of the

Symposium of the Methodological Seminar of the LOIA of the USSR Academy of Sciences. April 1975. Leningrad : Nauka, 1975. Pp. 56–58. (*In Russ.*)

Liberov P. D. Ancient History of the Population of Podonye : abstract dis. ... doctor of Historical Sciences. Moscow, 1971. 30 p. (*In Russ.*)

Masson V. M. Culture in the Conceptual Apparatus of Archaeology. In: Southern Siberia in the Scythian-Sarmatian epoch. Kemerovo : Kemerovskij gosudarstvennyj universitet, 1976. Pp. 3–7.

Mimokhod R. A. Lola Culture. Northwestern Caspian at the Turn of the Middle and Late Bronze Age. Moscow : IA RAN, 2013. 568 p. (*In Russ.*)

Mozhaisky A. Procedural, Post-processual and Modern Western Archaeological Theory in Relation to the Aegean Region: from the Birth of Civilization in the Bronze Age to the Greek Polis. *Spisanie Epohi = The Journal Epohi [Epochs]*. Vol. 2018;XXV(1):53–62. (*In Russ.*)

Podolsky M. L. Individual and Typical in Archaeological Culture (the experience of the compositional approach). In: Actual Problems of the Study of Archaic: Materials of the Theoretical Seminar “Theory and Methodology of Archaic” 1996–2012. St. Petersburg : MAE RAN, 2014. Pp. 113–131. (*In Russ.*)

Popova T. B. Tribes of the Catacomb Culture. Northern Black Sea Region in the Second Millennium BC. Moscow : Goskul'tprosvetizdat, 1955. 180 p. (*In Russ.*)

Porshnev B. F. Social Psychology and History. Moscow : Nauka, 1979. 232 p. (*In Russ.*)

Telegin D. Ya., Nechitailo A. L., Potekhina I. D., Panchenko Yu. V. Srednestog and Novodanilovskaya Cultures of the Eneolithic of the Azov-Chernomorsky Region: Archaeological and Anthropological Analysis of Materials and a Catalog of Sites. Lugansk : Shlyah, 2001. 152 p. (*In Russ.*)

Tishkin A. A. Foreword. In: History of Altai: in 3 volumes. Vol. 1: The Most Ancient Era, Antiquity and the Middle Ages. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta; Belgorod: Konstanta, 2019. Pp. 5–11. (*In Russ.*)

Fagan Brian M., DeCorse Christopher R. Archaeology. In the Beginning. Moscow : Tehnosfera, 2007. 592 p. (*In Russ.*)

Faifert A. V. Biosocial Theory of Cultural Genesis in the Era of Primitiveness. Rostov-on-Don : Donskoe nasledie, 2019a. 122 p. (*In Russ.*)

Faifert A. V. Historiography of the Nizhnemikhailovsk culture. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*. 2019b;5:41–53. (*In Russ.*)

Yudin A. I. The Settlement of Kumysk and the Eneolithic of the Steppe Volga Region. Saratov : Nauchnaja kniga, 2012. 212 p. (*In Russ.*)

Clarke David L. Analytical Archaeology. London : Methuen, 1968. 704 Pp.

Furholt Martin. “Social Worlds and Communities of Practice: a Polythetic Culture Model for 3rd Millennium BC Europe in the Light of Current Migration Debates”, *Préhistoires Méditerranéennes* [Online], 8 | 2020. URL: <http://journals.openedition.org/pm/2383>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Файферт Анатолий Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий археолог, Государственное автономное учреждение культуры Ростовской области «Донское наследие», г. Ростов-на-Дону, Россия.

Anatoly V. Faifert, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, State Autonomous Cultural Institution of the Rostov Region “Don Heritage”, Rostov-on-Don, Russia.

*Статья поступила в редакцию 02.02.2021;
одобрена после рецензирования 14.02.2022; принята к публикации 21.02.2022.*

*The article was submitted 02.02.2021;
approved after reviewing 14.02.2022; accepted for publication 21.02.2022.*